

лось, о чем он с гордостью написал в предисловии к следующему изданию. Кроме того, для привлечения туристов мэрия постановила соорудить тематический парк "За три часа вокруг Вселенной", в котором с бортовых галерей замка посетители смогут ловить пластиковую рыбу и бесплатно курить сигары, входящие в стоимость билетов.

Парикмахер Виги Пелюка, среди клиентов которого был и Серуно Квартани, на пятый день скупил остаток тиража и попросил автора подписать три книги для племянников. В доверительном разговоре он сообщал каждому стригущемуся о том, что обладал лишним экземпляром с писательским автографом. После недолгих переговоров Виги нехотя соглашался продать заветную книгу за тройную цену. К концу второго месяца были реализованы все десять тысяч томов, и господин Пелюка открыл астрально-косметический салон "Звезду За Красу" с мадам Зильбер на кассе и режиссером Батерфляйчиком, изгнанным из театра за пахучее новаторство, в качестве менеджера.

Несмотря на гигантский тираж книги, дела самого Серуно Квартани приняла трагический оборот. Его жена Маха неожиданно объявила о разводе и предъявила Серуно иск на полную сумму гонорара плюс один доллар. В домашнем скандале она пригрозила мужу, что в случае его отказа удовлетворить ее требование она сообщит миру о том, что все неблизки он стянул из детской книжки 1926 года издания, а из лифта был выставлен еще до подъема в замок.

Серуно метался по новому дому в поисках решения и выкрикивал: "Убить суку!". Знаменитого репортера-исследователя с бейсбольной битой и пеной на губах задержали в здании мэрии и поместили в психиатрическую клинику с диагнозом инoplanетно-маниакальный синдром. Мадам Квартани отозвала иск из суда в связи с получением опекуна над умалишенным мужем. Ее единственным огорчением было заявление психиатра, что для Серуно, возможно, не все потеряно.

Когда в субботнем выпуске "Сквозняк Daily" был опубликован некролог, посвященный скончавшемуся на девяносто восьмом году жизни барону Херуце фон Шмузер, ни одному читателю не пришло в голову увязать имя покойного с доном Фордано. Даже задрапированные черным муаром замковые часы ни на что не надумили. Через два дня к особняку подъехал катафалк, и четверо молодых в ливреях вынесли желтый гроб с галстук-бабочкой и тростью поверх крышки.

Только тогда по городу поползла тревожная весть о том, что дон Фордано съехал навсегда. Сплоченные отсутствием виновника разногласий, мандисты и антимандисты во главе с прокурором Гуталини сформировали чрезвычайный комитет по возвращению исторической ценности города. Комитет начал свою деятельность с призывов "жертвовать и бдеть на позорительные явления". Были созданы два отдела, четыре сектора и распределены должности. Горожане с энтузиазмом встретили решение администрации ввести налог на местный патриотизм, взимаемый пропорционально любви к городу, "для поиска гражданина дна Фордано". Как только указ был опубликован, налогооблагаемая толпа сбилась перед зданием прокуратуры для сдачи средств. На собранные деньги город отрядил семейство Гуталини с зятями в кругосветную пусковую экспедицию на шесть месяцев.

В тот же час, когда окрыленный народ махал платочками во след уплывавшему кораблю, в астральный салон красоты "Звезду За Красу", вошла клиентка в черной вуали. Мадам Зильбер, "цимисная голова", сразу же вычислила в ней колокольную из замка, а вот Мальпина, Дорзефина и Леольдина, работавшие в салоне в качестве косметологов-проричатель, только снисходительно скользнули по ней взглядом. Ничего интересного, кроме глянца на левой руке, они не отметили. И напрасно.

Инкогнито сняла вуаль и попросила укоротить волосы до уровня плеч. Дорзефина то ли не поняла, то ли приняла собственное решение, отсекла ей треть волос под самым ухом. На колокольный крик незнакомки прибежали Мальпина и Леольдина. Сама же Дор-

зефина с перепугу присела на корточки, чтобы вползти в нишу под умывальником. Как только раздался хруст шейных позвонков, ее большое тело конвульсивно содрогнулось и распласталось на полу. Клиентка спокойно перешла в кресло Леольдины, которая, разрываясь между чувством и долгом, не сдвинулась с места. Мальпина же подскочила к незнакомке и шепотом спросила: "Кк-ак вв-ас зз-аделать?". Женщина в ответ заколочила на своем языке. Слезы бедной мадам Зильбер хлынули на компьютер и вызвали короткое замыкание. "Звезду За Красу" погрузился во мрак. Бывший театральный режиссер на ощупь подполз к телу Дорзефины и нежно обнял ее поломанную шею. Именно в этот момент в салон вошла жена мэра, Дзюкочка Азунга, чтобы обратиться к Виги Пелюка за добровольным взносом в фонд защиты глиняных тарелок от огнестрельного оружия.

Город сдержанно реагировал на скорбное событие. Служащие по разнарядке мэрии собрались у магнолии, где Дики-Дики объявил о том, что жертвы не бывают напрасными, и память о Дырпизине (покойница за чем-то сменила имя) сохранится надолго во внутренних органах горожан. Расходились быстро, без разговоров. На следующий день состоялись похороны. Траурный митинг пришлось отменить. Кроме кузин и коллег явились только выступающие и хроникер "Сквозняк Daily". Последний ушел первым. Поэтому смысл в проведении митинга отпал.

После кладбищенской церемонии по дороге домой Виги Пелюка остановился у магнолии; его поразил странный вид дерева. Маха Квартани еще издали заметила необычное поведение парикмахера. Она тоже задрала голову. Приблизившись, спросила, как дела в салоне. Он неопределенно пожал плечами, полагая, что их встреча тем и ограничится. Однако Маха стояла под деревом и продолжала улыбаться.

— Вам не кажется, что магнолия съезжилась? — спросил парикмахер. Маха снова бросила взгляд наверх. — Пожалуй... — проговорила она. — Действительно!

Оба на какое-то время умолкли. Маха кашлянула, но парикмахер не заметил ее маневра. Тогда на его ногу упала ее сумочка.

— Спасибо, Виги, — сладким голосом прожурчала Маха. — Вы знаете... — она запнулась и кончиком языка облизнула верхнюю губу.

— Знаю что, мадам? — Пока это тайна, Виги, но вам как будущему другу... Маха взяла ладонь Виги и стала водить по ней указательным пальцем. — Виги, только мы вдвоем сможем это сделать... — Да, мадам?... — С вашим опытом... — Мадам, я уверен, мы найдем общий язык...

Серуно Квартани и почтальон Илларион Пердон кыш Ладрон оказались в одной палате с одинаковым диагнозом и сразу же породнились. После того как каждый живо рассказал свою одиссею более десяти раз, их изложение слилось в одно общее. Что произошло, так это поведение их жен. Почтальонша регулярно навещала мужа. Репортерша же носила не казалась. В разговорах новых друзей Маха фигурировала не иначе как "сука".

Кристалда приносила "вкусненькое" на двоих, потому что и жалко было брошенного репортера, да и сгодиться он мог. Серуно сначала был тронут до слез, а потом уже освоился настолько, что первым залезал в кошелку и вытаскивал из нее свертки со снесью. "Сука" объявлялась через три недели и в слезах поведала, что ее похитил серый волк, от которого она едва сумела сбежать. Больше она ничего не рассказывала, а кинулась к мужу и начала его обцеловывать, приговаривая:

— Родной мой, правда, тебе лучше? Ты меня не оставишь, любовь моя? Я так плакала, когда ты кричал, что повесишься и бросишь меня! Я места себе не находила! Но это была болезнь! — Махунечка! — простонал растраганный репортер. — Серуночек!

Коленопреклоненный сопалатник удивленно глядел на счастливую пару. Когда Серуно помнил его, благодарный Илларион подполз к супругам и поцеловал их лодыжки. Ошарашен-

ная сука носовым платочком смахнула слезу. Вдруг она хлопнула себя по лбу, извлекла из сумочки запечатанный конверт и протянула его мужу.

— Что это? — спросил репортер.

— Не знаю. Думаю, контракт на второй том. Пришел сегодня утром...

— Второй том?... — Серуно разорвал конверт и расплылся в улыбке.

Маха тоже сияла и одобритительно кивала. Их руки сплелись на махочкиной груди.

Театр ставил новую пьесу по следам гибели Дорзефины под названием "Астральная жертва". Опальный режиссер-автор был возвращен в театр с испытательным сроком и урезанной зарплатой. Поэтому творить Батерфляйчику приходилось без отрыва от парикмахерской. На главную роль он пригласил Мальпину, которая и лицом, и фактурой была близка к прототипу. Правда, Мальпина вынуждена была уволиться из салона красоты, так как директор театра заартачился и ни в какую не хотел маникюршу. В свою очередь Мальпина сочла невозможной дальнейшую связь с мужчиной, который все пятнадцать лет их супружества чинил проржавевшие трубы и был далек от искусства. Поскольку жизнь пока была не устроена, Мальпина пристроилась в постели Батерфляйчика.

После премьеры мэр Азунга прямо в ложе потребовал от Дзюкочки согласия на развод. Дзюкочка пригрозила покончить с собой. Дики-Дики замялся: "Как же тебе станет лучше, когда мне будет хуже?". Сразу и порешили, что самоубийство отменяется. За портьерой Дзюкочка дала Дики-Дики оплеуху и тут же получила ответный плевком в лицо. После этого они вышли из театра под руку и сели в авто.

На следующий день Маха на работу в мэрию не вышла. Дики-Дики позвонил ей домой, но трубку почему-то снял парикмахер Пелюка и сухо посоветовал мэру не звонить больше в этот дом. Маха вырвала трубку и крикнула, что ее планы опять серьезно изменились. Мэр схватился за сердце. Через несколько часов город узнал о его долгожданной кончине. Маха позвонила Дзюкочке, чтобы выразить соболезнование, а Дзюкочка заверила ее, что они расстаются с любовью.

Кристалда Пердон кыш Ладрон после расслабляющего "вкусненького" выудила из репортера несколько реплик, проливших свет на замысел Махи. Вскоре в голове почтальонши созрел план изобличения "суки-стервы". Она позвонила в редакцию "Сквозняк Daily" с предложением компромата, но там ответили, что редактор занят. И действительно, Жонзи Панасюк готовил первую речь к избирательной кампании за кресло мэра. Тогда Кристалда позвонила Махе Квартани домой и стала ее шантажировать. К удивлению Кристалды Маха была любезна, сказала, что не все так просто в жизни и что готова прямо сейчас приехать и объясниться. Договорились встретиться в садике за церковью. Вечером того же дня под кустом жасмина отец Монди обнаружил труп женщины с перерезанным горлом. Рядом лежала опасная бритва.

Возбужденная прокуратура прекратила дело после заключения вице-прокурора Капакабаниса о том, что "почтальонша сама себе перерезала горло обстоятельствами личной жизни". Однако через некоторое время брошенный паствой отец Монди в попытке восстановить былое влияние обвинил магнолиевый дом в сионистском заговоре против почтовых служащих. Подозрение сразу пало на обитательницу замка. В ходе повторного следствия выяснилось, что таинственная певица задолго до смерти почтальонши подалась на воздушно шаре не то в Венецию, не то в коммерцию. Тогда же удалось установить, что последние 90 лет замок не платил за электричество. Правда, прокуратуре не удалось доказать, что замок потреблял электроэнергию.

В доме с противоположной стороны, на фасаде которого собирались установить мраморную доску, все оставалось по-старому. Косоглазый мальчик рос быстро и превратился в детину с усами и челкой на глаза, что придавало ему сходство с усопшей мамашей. Молодой человек, однажды поработав мозгами и прочими важными частями, заключил, что косоглазие, как и все остальные качества, унаследованные от родителей, не-

пременно должны быть сохранены и умножены, для чего приобрел кровать матримониального размера. Над ней повесил черно-белый портрет папаша в полном обмундировании, выгодно отличавшем его от нарушителей. Портрета мамы в доме не обнаружилось. Таким образом, все было готово для привода новой хозяйки. Перспективный жених сверкающими в разных направлениях глазами приглядел ее на собрании Комитета по розыску дна Фордано и после испытательного матраца повел под венец. Бранная ночь началась с брани, но закончилась вполне традиционно. Поздним утром, когда солнце уже успело серьезно потрудиться над лужами от ночного дождя и занять срединное положение на умытом небе, муж поднялся с постели и мечтательно почесался ниже пупа. Жена, опершись о подоконник, разглядывала улицу с таким выражением, будто видела ее в первый раз. Косоглазый подошел ближе и прижался к ее разгоряченному задку. Она же не отводила взгляда от окна.

— Ну куда ты уставилась? Он хлопал себя по животу. Сильными пальцами помял лакомые ягодички, приобретенные им в законное пользование, и лихо шлепнул по одной. Она хихикнула и выгнулась еще привлекательней.

Через минуту он помутневшими глазами увидел...

— Ядрено знамя! Магнолия и замок тю-тю!..

— Ага... ага... — прерывисто дыша, выпалила жена. — А другие-то... совсем другие...

Косым взглядом он скользнул по соседним домам на противоположной стороне улицы. Над слегка вогнутыми фасадами выросли башенки, а на самой высокой появились часики... Они отбили полдень, после чего и башня, и стрелки удлиннились... На церковном куполе вместо привычного креста кривилась дуга, а внутри нее поблескивала звездочка. Косоглазый отпрынул от подрагивающего тела жены и бросился в ванную, одержимый мыслью об обрезании... Одной рукой он оттянул лишнюю плоть, а второй перекрестился и под завывание "Аллах с ним!" отсек прежнее веру.

— Бум-бом... — отзвонили часики. Где-то в районе Старого базара прогремел взрыв и завывала пожарная сирена. Со стороны порта в город вливался дирижабль с коммерческой рекламой "Табак Фордано": на чисто выбритом старческом лице вместо усов торпачился галстук-бабочка, а во рту — огромная сигара, из которой вился настоящий дым.

Коты обнюхивали круг, в котором прежде росла магнолия, растерянно скребли землю и перебежали с места на место.

Виги любовно поглаживал обложку второго тома "Вселенной" с собственноручным посвящением самому себе. Его имя золотилась между серуновским и махочкиным. Третий салон красоты он назвал без затей — "Клеопатра у Фигаро".

— Бум-бом! Бум-бом! На подоконнике жена косоглазого, упакованная с головы до пят в черное, жалобно зазубривала: "А салыям аллейками", — и обтирала запрещенные подмышки.

Леольдина страдала от скоропостино обнаруженного у себя таланта, который был получше мальпинкиного, но "перспективы для него не подворачивалось".

Мадам Зильбер в двухсот третий раз выдыхала на золотой медальон, полировала его рукавом и сокрушалась над проступающей медью.

Портя Батерфляйчик, уединившись в ведре (унитаз был забит творческими отходами), подходил к выводу, что продуктивная мысль вовсе не является продуктом мышления.

И только отец Монди Казаранта уверенно шагал в неизвестном направлении, зная наперед, что вера в себя... обязательно выведет.

— Бум-бом... Бум-бом... Бум-бом...

На спуске, сбегающем к порту, воздушные дуновения мягко перебирали бронзовые струны подрастающих часов и разлетались вместе с юными тонкими звуками по старым кварталам до самой мэрии, с балкона которой Жонзи Панасюк и его новая жена Маха тревожно озирали врученный их опеке город.

Мимо пронеслись перемены.

Алена ЩЕРБАКОВА Острову Крым

Из птиц, долетевших до края моря, Не встретилась ни одной, чей голос Стал бы напоминать о покое... Впрочем, порою море Можно принять за точку отсчета, А одинокое утро за память, Тогда-то только легко представить Путь по песчаному гроту Из Нового Света в Морское, Где, тронутые водою, Тени менее резки В пределах видимого отрезка, И профиль друга — На каждой каменной фреске Скал, лежащих по ту сторону света И тени, — обратно взгляду. Выходит,

в пространственном измерении Нет наречия "рядом"... Полет птиц — продолжение горизонта, Условность линий, Вот и лицо твое порою Приобретает вид размытого негатива, Оставляя следы,

отстраняя от сердца город. Если дорога удваивает возвращенье — То встреча наступит не скоро...

В том краю, где безвременье оглушает любой Захлебнувшийся стон тишины, озноба и ветра,

Четырех из букв, не сумевших в образ влиться иной, Распростерты на тысячу километров, Став тем призраком, чьих одежд Мы ночью не различаем — Но постель остывает прежде, Чем я, покурив, возвращаюсь.

"...Я список кораблей прочел до середины"
О. Мандельштам

Меня еще твой миф не уронил На дно бездонной вазы Атлантиды, А я уже теряю по транзитам Простых бесед и ставренных книг Улыбку, собирая по частям Свой голос, взгляд...

на полотно найти, Нанизываю сны на панцирь мидий Для промысла китовым плавникам; Оберегаю рукописный клад На царственных пергаментах весталки.

Когда один внезапный ветра вал И век крушат дворцы свои подряд, Как список кораблей, по именам, Не все ль равно, что остается после, Когда над головой такие звезды, К чему теперь живым преданья нам?..

Del arte

Памяти А. Вертинского

Вместо вина в бокал налить стеарин. Из пропасти голос твой, не слышен. Я — Коломба, ты — мой визави. Ты только тихонько меня позови. Живые не слышат —

а мертвым не пишут... Сухой ветер треплет афиши; Тонкими пальцами горло сдавливает кокаин; Страшно от темных нот

твоего голоса. Как же здесь вечерами холодно, В сверкающем конфетти фар

и витрин! Моих писем не расшифровать — Пелел их черен, неярк, матовый, Я продаю билеты в бродячий театр На счастливый спектакль С несчастливым лицом И с расколотым детским карминовым сердцем.

Аргентинское танго

Аргентинское танго — навзлет, навзрыд, Черных платьев качающийся надрыв, С поворотом лиц — тени падают ниц, Каково едва по земле скользить?! Замирание сердца сбивает счет, Поворот — полет — поворот —

вне нот, Обнаженность рук, обреченность фраз,

И ты ближе, чем нужно ко мне сейчас. Я не знаю, как долго чадит огонь, Но в твоей ладони — моя ладонь, И уже вплотную друг к другу в анфас, Плечи выжжены солнцем

и углем глаз. Аргентинское танго не превозмочь, Дробный шаг, накаляя,

взрывает ночь, Так, наверно, танцуют в последний раз, В этом танце сгорает один из нас.